

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-273-285

EDN: BJJIFL

Тернистый путь суверенизации отечественной социологии: история, современность, перспективы*

С.А. Кравченко

МГИМО-Университет МИД РФ,
просп. Вернадского, 76, Москва. 119454, Россия

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Аннотация. Начавшийся переход к многополярному миру, суверенизации России и других стран способствовал актуализации значимости всех цивилизаций и культур, признанию самобытности национальных путей развития. Постулаты об «универсальности» англосаксонских теорий стали подвергаться критике, и возник запрос на социологическое знание, основанное на цивилизационной и национально-культурной специфике, но не предполагающее «зряшное отрицание» достижений мировой социологической мысли [25; 26]. Сегодня востребован суверенный вектор производства социологического знания: «российское общество находится на “развилке”, причем выбор направления дальнейшего пути развития осложняется деструктивным воздействием агрессивных кругов глобалистского сообщества, преследующих свои собственные интересы, явно расходящиеся с национальными интересами России» [63. С. 525]. Изначально социологическое знание формировалось в конкретных странах и было нацелено на диагностику и разрешение возникших в них социальных противоречий. Однако со временем национально ориентированные теории стали интернационализироваться, как правило, адаптируясь к социальным и культурным особенностям конкретных стран. Глобализация в форме американизации способствовала тому, что социологические теории, созданные в контексте западных ценностей, выдавались за «универсальные», что стало геополитическим вызовом для российского образования. Возникла потребность обратиться к сложному пути суверенизации отечественной социологии: ее противоречивые процессы рельефно прослеживаются в противоборстве течений славянофильства, западничества и ев-

*© Кравченко С.А., 2025

Статья поступила в редакцию 17.12.2024. Статья принята к публикации 15.04.2025.

разийства на разных этапах исторического развития страны. Многие идеи о самобытности России и отечественной социологии, сформированные разными поколениями ученых, находившихся порой в интеллектуальном противоборстве, ныне актуализируются — возрождаются и осовремениваются в контексте становления синергийных сложностей и перехода к многополярному миру. Автор считает перспективным формирование суверенного социологического знания, основанного на базовых принципах отечественной культуры и цивилизационной евразийской специфики при неременном учете достижений мировой социологической мысли.

Ключевые слова: суверенное развитие; самобытность отечественной социологии; славянофильство; западничество; евразийство; отечественная культура; цивилизация; «евразийская» Россия

Для цитирования: *Кравченко С.А.* Тернистый путь суверенизации отечественной социологии: история, современность, перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 273–285. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-273-285>

Славянофильство: формирование самобытной отечественной социологии

Славянофильство — направление русской общественной мысли, представители которого отстаивали «идею особого пути и особой исторической роли России» [52. С. 426]. Одним из его основоположником является А.С. Хомяков, социальный теоретик, изучавший специфику русского мирозерцания [60; 61]. Вклад в разработку идей славянофильства внес И.В. Киреевский, раскрывший разные подходы к просвещению в Европе и России [19; 20]. Н.И. Кареев рассматривал социальные, культурные и цивилизационные факторы, способствовавшие зарождению социологии, суть ее предмета, основные задачи и методы; в критическом сравнении анализировал основные социологические направления, включая натуралистическое, дарвинистское, психологическое и марксистское; показал взаимоотношения социологии с биологией, психологией и правоведением [17]. Кареев обрел особую известность благодаря своей теории исторического процесса [18], которая по ряду позиций не утратила актуальность и сегодня [51].

А.С. Лаппо-Данилевский — один из основоположников национально ориентированной методологии исторической науки [29]. В.О. Ключевский по праву считается основателем российской исторической социологии — он обосновал уникальный историко-социологический методологический подход [21; 22]. Одним из родоначальников российской и мировой социологии был Н.С. Трубецкой [58; 59]. Квинтэссенция социологии Н.К. Михайловского — изучение культурной и психологической специфики россиян в контексте русской цивилизации. Стремясь преодолеть прагматические ограничения позитивистской теории О. Конта и Г. Спенсера (механическое перенесение принципов естественных наук в анализ общества), он акцентировал значимость исследования человека как мыслящей, чув-

ствующей и желающей личности в своей теории общественного прогресса [34]. Н.А. Бердяев критически рассматривал западные линейные теории прогресса, трактовавшие его как переход от «низших» к «высшим» формам развития. По его мнению, суть исторического прогресса сложнее — не существует единственного пути развития цивилизации: если западная культура стремится к рационализму, практической реализации своей силы, то культура россиян иная. Осмысливая амбивалентность «загадочной русской души», он отмечал, что русский характер отличается антиномичностью при слабости «срединных» начал [1]. В этом же ключе С.Н. Булгаков, занимавшийся проблемами суверенизации хозяйственной деятельности, высказал идею о взаимозависимости экономических достижений и духовного возрождения, видя в религии фактор единения российского народа [3]. В результате к концу XIX — началу XX века можно говорить о бесспорных достижениях российских социологов-славянофилов в обосновании уникальных и многообразных теоретико-методологических подходов, совмещавших передовые достижения мировой науки с анализом российской цивилизационной и национально-культурной специфики.

Следует отметить, что славянофилы подняли проблему утверждения властных структур, которые бы учитывали культурные и пространственные особенности страны, и эта проблема до сих пор остается актуальной. Так, они считали «чуждыми» для России идеи бюрократического государства и формального права, противопоставляя им триаду «Православие, Самодержавие, Народность», что, однако, не мешало им бороться за отмену крепостного права. По мнению М.М. Ковалевского, необходим многофакторный подход к политическому и социально-культурному преобразованию страны: «поступательный ход в развитии политических учреждений сводится не к замене одних форм другими, например, монархии республикой или республики монархией, а в расширении, с одной стороны, основ самодержавия, а с другой — прав личности». Он также считал, что для России оптимальным и прогрессивным правлением является самодержавие, основанное на культурной специфике русского мирозерцания, отмечая, что суть самодержавной власти — «выполнение обязанностей общего всем служения» [23. С. 151]. В культурном смысле самодержавие оптимально сочеталось бы с представительной демократией — многообразием форм местного самоуправления, что позволяло бы в максимальной степени учесть специфику пространственных реалий многонационального государства. Соответственно, прогресс — это развитие социального многообразия в едином пространстве, т.е. оптимальное со-развитие регионов и общего пространства страны: важно «под кровом традиционных форм, внесением в них нового содержания, обеспечить личную свободу, гражданское равенство, равноправие национальностей, свободу преследования обособленными этнографией и историей группами их культурных задач и создание такого политического уклада, при котором свобод-

но выработанные представители этого народа могли бы проводить его волю в законодательство и администрацию» [24. С. 6, 7].

Однако победила иная трактовка самодержавия — как «имперской идеи», «освобожденной» и от православия, и от народности. В результате, как отмечает Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, «Самодержавное Царство, издавна одухотворявшееся идеалами служения и долга, мало-помалу превращалось в абсолютистскую монархию по западноевропейскому образцу» [16. С. 354]. Имперская идея, привнесенная в общественное сознание представителями западничества в полемике со славянофилами, не соотносилась ни с реальной практикой, ни с традициями со-функциональности наших территорий, имеющими характерные исторические корни гуманизма в виде открытости к взаимодействию с другими народами и культурами. «Славянские племена отличались чистотой нравов, открытостью, скромностью, доброжелательностью, гостеприимством, гуманностью, в том числе по отношению к военнопленным, которых они через некоторое время или отпускали домой, или оставляли у себя, но не как рабов, а скорее как друзей, тем самым относясь к ним как к равным себе» [8. С. 197]. Это во многом обусловило мирное объединение русских земель и народов под опекой самодержавного правителя как суверена — государя всея Руси. Как писал А.С. Хомяков, рассуждая о цивилизационных особенностях России в сравнении с западными странами: «Земля Русская шла вперед, развивала все силы свои, нравственные, умственные и вещественные. Ее хранили и укрепляли два начала, чуждые остальному миру: власть правительства, дружного с народом, и свобода Церкви, чистой и просвещенной» [60. С. 11].

Н.Я. Данилевский обосновал самобытность социологической науки, задаваясь вопросами: «Что такое самобытная славянская наука? Есть ли ей место, да и вообще возможна ли национальная наука?». Ответы он дал в своей оригинальной теории самобытности цивилизаций в виде выводов, ряд из которых до сих пор актуальны: «Самобытность политическая, культурная, промышленная составляет тот идеал, к которому должен стремиться каждый исторический народ, а где недостижима самобытность, там, по крайней мере, должно охранять независимость». Стремление России к самобытности порождает славянофобию у наших недругов и среди ряда российских интеллектуалов: «Их страшит, с одной стороны, относительно самих себя — призрак властолюбия России, будто бы стремящейся уничтожить самобытность славянских народностей... с другой — относительно судеб человечества и цивилизации вообще — призрак всемирного владычества, которое для пропитавшегося гуманитарностью славянского сердца представляется чем-то ужасным, если бы даже это владычество принадлежало не иному кому, как им же самим, бедным угнетаемым славянам, угнетение которых никого не страшит, никому не кажется несообразным с истинной человечностью. Что славянская независимость, развитие славянского могущества противны

Европе — это в порядке вещей». «Невозможна самобытность культуры, т.е., собственно говоря, невозможна сама культура, которая и имени этого не заслуживает, если не самобытна». Непременное условие развития самобытной славянской культуры — русский язык как объединяющий фактор для всех славян, язык науки, искусства и международных сношений [7. С. 158, 328, 487–488, 610, 516]. В нынешний период цивилизационного противоборства особенно ценно предостережение Данилевского о денационализации культуры и русского языка [27. С. 77–83].

Многие славянофильские идеи о самобытности страны сегодня воспроизводятся российскими социологами, которые отмечают, что через осознание принадлежности к единому пространственному и культурному миру формировалась уникальная государственная идентичность общества, ныне выраженная в виде цепочки сложных образований: «дом—поселение—регион—страна» [50. С. 34]. Согласно Н.И. Лапину, сущностной характеристикой современной России являются синергийные сложности — качественно новые реалии, возникшие в результате нелинейного процесса становления в контексте прошлого, настоящего и будущего, поэтому сегодня необходимо диалектическое возвращение к своим цивилизационным основаниям с собиранием и защитой культурного своеобразия и равноценности различных этносов и религий, для чего «требуется семейство междисциплинарных подходов» [28. С. 12, 22, 38, 43, 53]. По мнению М.К. Горшкова, реалии новой России сохраняют свою самобытность, имеют ценностную организацию, историческую специфику и культурную идентичность, будучи определенным образом структурированы «генотипом культуры», который выражен в «корневой системе нравственных ценностей и жизненных смыслов, вкусов и норм, критериев оценки человеком себя и окружающего мира» [35. С. 10]. Общетеоретические подходы к проблематике суверенизации и интеграция пространства российского общества были предложены Ж.Т. Тощенко [57].

Западничество: культурная адаптация западных идей

В русской социологической мысли первой половины XIX века возникло течение, получившее название западничества: его представители выступали за преодоление «исторической отсталости» России, ратуя за ее развитие по пути, пройденному западной цивилизацией [14. С. 318–319]. У истоков западничества стояли П.Я. Чаадаев [62] и А.И. Герцен [4; 5]: они рассматривали историю европейских стран как противоречивый, но возможный путь реализации идеалов прогрессивного развития общества, что предполагало осуществление реформ в основных сферах жизнедеятельности россиян и государственного управления по европейскому образцу. Западники идеализировали либерально-демократическую форму правления и принципы Просвещения, особенно постулат «знание—сила», под которым, по сути,

подразумевалось прагматическое, формально ориентированное знание, рассматривая его как универсальное средство прогресса и преодоления патриархального уклада. Впрочем, западничество никогда не существовало как единое течение: многие его представители со временем разочаровались в либеральных идеях и практиках формальной рационализации, производивших все более сложные формы отчуждения, и этому разочарованию способствовало знакомство с античеловеческой эксплуатацией в «передовых» европейских странах, которая толкала массы трудящихся на революционную борьбу. Соответственно, в западничестве возникли социал-демократическое и революционно-демократическое течения.

Г.В. Плеханов считается представителем западничества, поскольку связывал будущее России с социалистическим путем, революционным по своей сути [45]. Он отстаивал марксистскую идею «объективных» закономерностей истории и подчеркивал главенствующую роль экономических факторов — производительных сил и производственных отношений, обусловленных антагонистическими противоречиями капиталистического общества, которые с неотвратимостью ведут к революции. Однако Плеханов выработал суверенную теорию, исходящую из того, что общественные законы не реализуются сами по себе — их конкретная функциональность обеспечивается сложным субъективным фактором, самобытные качества которого обусловлены культурой России. Так, выражение субъективности масс он видел в том, что «народ, вся нация должны быть героем истории», а личность, сформированная в контексте исторически сложившихся общественных отношений, может лишь незначительно воздействовать на общий ход событий. «Влиятельные личности могут изменять индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами» [41. С. 535].

Суверенность теории Плеханова проявляется в трактовках соотношения культурно обусловленной специфики объективных и субъективных детерминант, а также характера сложной причинности исторического развития, включающей в себя «общие», «особенные» и «единичные» причины: «В настоящее время нельзя уже считать человеческую природу последней и самой общей причиной исторического движения: если она постоянна, то она не может объяснить крайне изменчивый ход истории, а если она изменяется, то очевидно, что ее изменения сами обуславливаются историческим движением. В настоящее время последней и самой общей причиной исторического движения человечества надо признать развитие производительных сил, которым обуславливаются последовательные изменения в общественных отношениях людей. Рядом с этой общей причиной действуют особенные причины, т.е. та историческая обстановка, при которой совершается развитие производительных сил у данного народа и которая сама создана в последней инстанции развитием тех же сил у других народов, т.е. той же общей причиной. Наконец, влияние

особенных причин дополняется действием причин единичных, т.е. личных особенностей общественных деятелей и других “случайностей”, благодаря которым события получают, наконец, свою индивидуальную физиономию. Единичные причины не могут произвести коренных изменений в действии общих и особенных причин, которыми, к тому же, обуславливаются. Но все-таки несомненно, что история имела бы другую физиономию, если бы влиявшие на нее единичные причины были заменены другими причинами того же порядка» [41. С. 540–541].

Суверенность теории Плеханова также выражена и в том, что она включала в себя достижения социальной психологии применительно к особенностям российской субъективности. Так, он выступал за учет психологического фактора в трактовке общественных явлений и в оценке возможностей реализации декларируемых в марксизме идеалов. В сферу его научных интересов входили психология классов и социальных групп, общественные настроения и мнения, идейные убеждения и иллюзии, характер общественного сознания. «Чтобы понять историю научной мысли или историю искусства в данной стране, недостаточно знать ее экономию. Надо от экономии уметь перейти к общественной психологии, без внимательного изучения и понимания которой невозможно материалистическое объяснение истории идеологий». Важно учесть и устойчивые элементы психики — привычки, нравы и традиции людей [42. С. 247, 262]. По его мнению, «для Маркса проблема истории в известном смысле была также психологической проблемой» [44. С. 170–171]. Вместе с тем подход Плеханова к религии отличен от Маркса, поскольку он отмечал ее значимое место в жизни россиян: «русские “передовые люди” никогда не думали серьезно о религии» как факторе общественного развития [43. С. 254].

В.И. Ленин, по сути, разработал национально и культурно обусловленную социологию в виде «марксизма-ленинизма». Он принял марксистскую теорию, ее базовые положения об универсальных законах общественного развития, однако опирался на российскую статистику, что обусловило диалектику его взглядов с точки зрения учета национально-культурной самобытности страны. Будучи марксистом, Ленин исходил из главенствующей роли производственных отношений, определяющих все политические и идейно-культурные формы жизнедеятельности [33], однако считал, что необходимо опираться на статистику, а манипулирование фактами ведет к научному и политическому шарлатанству: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры... Вывод отсюда ясен: надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех “общих” или “примерных” рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность

относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения» [32. С. 350–351]. Тем самым статистика была включена Лениным в диалектический метод, позволявший верифицировать развитие страны с опорой на объективные и субъективные отечественные реалии, отличавшиеся от западных. Анализ российских фактов, взятых «в их целом, в их связи», позволил Ленину-социологу констатировать, что современное ему общество отличалось от того, что рассматривал Маркс, поэтому его положения, по крайней мере не во всем, работали. Ленин исходил из того, что в эпоху вступления капитализма в стадию империализма, когда развитие приобретает прерывистый и скачкообразный характер, вполне вероятно образование «слабого звена» в отдельно взятой стране [31] — для России открываются специфические перспективы развития и перехода к более совершенному и социально справедливому обществу, но только если себя проявит субъективный потенциал россиян. Это утверждение предполагает принципиально иную трактовку диалектики объективного и субъективного факторов в историческом развитии: в новых экономических, политических и культурных условиях роль народа и личности в истории неизмеримо возрастает. По сути, тем самым были заложены исходные контуры деятельностной социологии, ныне весьма востребованной.

В советский период Ленин реализовывал стратегию приоритетности политических действий над экономическими реалиями и критиковал абсолютизирование экономического детерминизма. Он разрабатывал «новую экономическую политику» и инновационное социальное управление с позиций нового прочтения сформулированных Марксом идеалов, переоткрытия роли субъективного фактора, осмысления реально возможных путей возрождения народного хозяйства, электрификации, становления российской системы образования и формирования культуры, органично сочетавшей мировые и отечественные достижения. Использование статистических методов анализа общества свидетельствовали, что в отечественную социологию вводились элементы национально ориентированного «искусства управления», закладывались основы развития кооперации с учетом фактора российской культуры. Ленин не принял экстремистскую идею ряда соратников о самостоятельной «пролетарской» культуре и выступал за то, чтобы новые молодые поколения овладевали всеми богатствами культуры, выработанными человечеством [30].

В СССР влияние западничества практически сошло на нет, и главная причина — суверенность советской социологии. По воспоминаниям В.Н. Иванова, директора Института социологии в советское время, перед социологией ставились задачи по обеспечению лидерства страны и науки в мире: «изучение изменений и тенденций развития социальной структуры советского общества... разработка путей совершенствования социалистического образа жизни, его интернационализации» [15. С. 18]. Ситуация радикально изменилась в годы перестройки и либеральных реформ — произошел своеобразный ре-

нессанс западничества, повлекший «страстные дискуссии политиков, историков, социологов, экономистов, культурологов о дальнейших путях развития и будущем русского народа» [2. С. 160]. По сути, возникло западничество радикального типа, причем «эти новые идеи усиленно пропагандировались, распространялись, провозглашались как единственно верные, не подлежащие никакой критике и никакому сомнению... Влияние и реализация этой политики привела к утрате Россией технической и технологической самостоятельности и соответственно независимости» [56. С. 71, 71]. В образовательной практике наблюдалась «индигенизация» либерально ориентированной социологии, или, по М. Элброу, «отуземнивание» социального знания, которое сопровождается его искусственной адаптацией к национальным реалиям вопреки самобытности культуры и социальным особенностям [65]. Студенты учились по учебникам западных авторов (П. Штомпки, Э. Гидденса и др.), в которых российская культура если не «отменялась», то, по крайней мере, была «невидимой».

Цивилизационная специфика «евразийской» России

Евразийство — социально-философское течение, изначально сформировавшееся в русской эмигрантской среде в 1920-е–1930-е годы. Его представители выступали против европоцентризма и считали принципиально значимым для развития страны и ее будущего тот факт, что географически Россия расположена в Европе и Азии, и это обусловило ее пространственную, культурную и цивилизационную специфику. Согласно Г.В. Вернадскому, нет двух России — «европейской» и «азиатской», только Россия «евразийская», или «Россия-Евразия» [13. С. 302–303]. Ф.М. Достоевский пророчески отмечал: «Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе» [9. С. 504]. Одним из основоположников и наиболее ярких представителей евразийства был Н.С. Трубецкой, считавший, что учет евразийской цивилизационной специфики России мог бы привести к ее процветанию [58 % 59]. П.Н. Савицкий разрабатывал научные концепции евразийства (месторазвитие, хозяйстводержавие, циклы евразийской истории, кочевниковедение, евразийская версия геополитики, «чувство континента» как результат взаимодействия русского этноса с монгольским этносом и др. [48; 49]) в борьбе с западниками и ратовал за воссоздание национальной России.

Сегодня происходит ренессанс евразийства [6; 36; 37; 38]. Так, Ю.В. Яковец [64] стал основателем журнала «Партнерство цивилизаций», А.Г. Дугин выдвинул теорию евразийского мира [10; 11; 12]. Подобные исследования нацелены на раскрытие сущности российской цивилизации как функционирующей на основе синергии социального и экономического потенциала, культурных традиций народов Евразии.

Самобытность евразийства обусловлена соседством с двумя диаметрально противоположными типами культур — западной и восточной [40]. Если в «генотипе западной культуры» вектор общественного развития «направлен вовне, на преобразование мира», то в восточной культуре — «не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию» [53. С. 12].

Возрождению проблематики евразийства неоднократно уделял внимание В.В. Путин, обосновывая востребованность «поворота на Восток» как историко-культурными реалиями, так и новыми геополитическими вызовами: «Наша страна исторически, географически — неотъемлемая часть АТР. Полноформатный выход на азиатско-тихоокеанское пространство мы рассматриваем как важнейший залог успешного будущего России, развития сибирских и дальневосточных регионов» [46]. «Евразийский союз — это проект сохранения идентичности народов, исторического евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция — это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии» [47].

Учитывая теоретическую и практическую актуальность евразийства, А.В. Торкунов выделяет три наиболее значимых компонента «поворота на Восток», включая создание суверенных теорий и парадигм: 1) поиск дополнительных источников экономического и технологического роста, после 2014 года — также альтернативных рынков сбыта продукции российского топливно-энергетического комплекса, внешнеполитических и внешнеэкономических альтернатив в условиях нарастающих санкций со стороны США и ЕС (ключевые азиатские партнеры России — Китай, Индия, Республика Корея, страны Юго-Восточной Азии — отказались участвовать в антироссийских санкциях); 2) переосмысление парадигмы и модели развития российских регионов Сибири и Дальнего Востока в контексте трансформаций внешней среды и растущей экономической и демографической асимметрии между европейской и азиатской частями страны; 3) разработка концепции Большой Евразии, которая позволит России сохранить, а в идеале и приумножить ее интеграционный потенциал в качестве одной из ведущих мировых держав за счет институционализации экономических и политических партнерств, в первую очередь со странами Азии. Если трансформации в рамках первой компоненты очевидны и подвергаются качественной и количественной оценке, то контуры изменений в рамках второй и третьей лишь намечены и требуют серьезной проработки. Вместе с тем «политика поворота на Восток сталкивается с проблемами психологического характера. К их числу можно отнести ориентацию на Европу нескольких поколений значительной части российской элиты и деловых кругов, не рассматривавших азиатские стра-

ны на рубеже нового тысячелетия как серьезный и — самое главное — на-
сущно необходимый объект приложения внешнеполитических и экономи-
ческих усилий» [55. С. 8–21]. Сказанное относится к истории, настоящему
и перспективам суверенизации отечественной социологии как полю ис-
следований российских ученых.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
2. Богданов А.В. Западничество в России: история и современность // Философия и обще-
ство, 2008. № 3.
3. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 2009.
4. Герцен А.И. Былое и думы. Т. 9. М., 1956.
5. Герцен А.И. Россия и Европа // Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 7. М., 1956.
6. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 2003.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения
славянского мира к романо-германскому. М., 2008.
8. Долгов К.М. Восток, Россия, Запад и Славянство: вопросы мировой геополитики // Вопросы философии. 2018. № 4.
9. Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15-ти тт. Т. 14. СПб., 1995.
10. Дугин А.Г. Евразийский путь. М., 2002.
11. Дугин А.Г. Евразийский реванш России. М., 2014.
12. Дугин А.Г. Мистерии Евразии. М., 1996.
13. Евразийство // Социологическая энциклопедия. То. 1. М., 2003.
14. Западничество // Социологическая энциклопедия. Т. 1. М., 2003.
15. Иванов В.Н. Социология в СССР. Записки директора института. М., 2018.
16. Иоанн (Снычев), митр. Санкт-Петербургский и Ладужский. Самодержавие духа:
Очерки русского самосознания / Отв. ред. О. Платонов. М., 2017.
17. Кареев Н.И. Историология. Теория исторического процесса. Пг., 1915.
18. Кареев Н.И. Основы русской социологии. М., 1996.
19. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979.
20. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению
в России // Полн. собр. соч. в 2-х тт. М., 1911.
21. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс в 4-х ч. Ч. 1. М., 2023.
22. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1997.
23. Ковалевский М.М. Современные социологи. СПб., 1997.
24. Ковалевский, М.М. Политическая программа союза народного благоденствия. СПб., 1906.
25. Кравченко С.А. Геополитические вызовы и отечественная социология // Социологические исследования. 2023. № 2.
26. Кравченко С.А. Диагностика рисков становления новой России: запрос на интеграль-
ное и суверенное знание в сфере социально-политических наук // Политические иссле-
дования. 2023. № 3.
27. Крюкова Л.С. Роль языка в концепции культурно-исторических типов
Н.Я. Данилевского // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9. № 5А.
28. Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход.
М., 2021.
29. Лапто-Данилевский А.С. Методология истории: в 2-х ч. Ч. 1. Теория исторического зна-
ния. М., 2024.
30. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи // Полн. собр. соч. Т. 41.
31. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27.
32. Ленин В.И. Статистика и социология // Полн. собр. соч. Т. 30.

33. Ленин и социология. М., 1970.
34. Михайловский Н.К. Что такое прогресс? // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. М., 2001.
35. На переломе веков: социодинамика российской культуры. М., 2022.
36. Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспективы. М., 1998.
37. Орлова И.Б. Современные цивилизации и Россия. М., 2000.
38. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1994.
39. Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы. М., 2011.
40. Пархоменко Т.А. Российская цивилизация: между Западом и Востоком. М., 2021.
41. Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. М., 2001.
42. Плеханов Г.В. О материалистическом понимании истории // Избранные философские произведения в пяти томах. Т. II. М., 1956.
43. Плеханов Г.В. О так называемых религиозных исканиях в России // Избранные философские произведения. М., 1957. Т. 3.
44. Плеханов Г.В. Очерки по истории материализма // Избранные философские произведения в пяти томах. Т. II. М., 1956.
45. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба // Избранные философские произведения. М., 1957. Т. 3.
46. Путин В.В. Владивосток-2012: российская повестка для форума АТЭС. 2012 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/16390>
47. Путин В.В. Выступление на заседании дискуссионного клуба «Валдай». 2013 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243/videos>.
48. Савицкий П.Н. В борьбе за евразийство. Париж, 1931.
49. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.
50. Санина А.Г., Павлов А.В. Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // Управленческое консультирование. 2015. № 9.
51. Сафронов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995.
52. Славянофилы // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003.
53. Степин В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. 2011. № 2.
54. «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / Под ред. М.К. Горшкова. М., 2024.
55. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Политические исследования. 2020. Т. 29. № 5.
56. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М., 2020.
57. Тощенко Ж.Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. Этносоциологические очерки. М., 1997.
58. Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София. 1920.
59. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. София, 1921.
60. Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988.
61. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М., 1900.
62. Чаадаев П.Я. Философские письма // Сочинения. М., 1989.
63. Шарков Ф.И., Понеделков А.В., Воронцов С.А. О проблемах современной российской политической элиты и возможных направлениях их разрешения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 4.
64. Яковец Ю.В. новая парадигма теории, истории и будущего мира цивилизаций. М., 2021.
65. Albrow M. Introduction // Globalization, Knowledge and Society / Ed. by M. Albrow, E. King. L., 1990.

The thorny path of the Russian sociology sovereignty: History, the present time and prospects*

S.A. Kravchenko

Moscow State University of International Relations,
Prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, 119454, Russia

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Abstract. The transition to a multipolar world, the sovereignty of Russia and other countries have contributed to the actualization of the significance of all civilizations and cultures and to the recognition of the uniqueness of national development paths. The “universality” postulates of Anglo-Saxon theories have been criticized, and there is a demand for sociological knowledge based on civilizational and national-cultural specifics but not denying achievements of the world sociological thought [25; 26]. Today, a sovereign vector of producing sociological knowledge is in demand: “Russian society is at a ‘fork in the road’, and the choice of the direction of further development is complicated by the destructive impact of aggressive circles of the globalist community pursuing their own interests that are clearly different from the national interests of Russia” [63. P. 525]. Initially, sociological knowledge was formed in specific countries and aimed at diagnosing and resolving specific social contradictions. However, over time, nationally oriented theories began to internationalize, usually adapting to national social-cultural features. Globalization in the form of Americanization contributed to the fact that sociological theories created in the context of Western values were presented as “universal”, which became a geopolitical challenge for Russian education. There is a need for a complex path of sovereignty for Russian sociology: its contradictory processes are clear in the confrontation of Slavophilism, Westernism and Eurasianism at different stages of the country’s historical development. Many ideas about the originality of Russia and its sociology, developed by different generations of scientists who were sometimes in intellectual confrontation, are now updated — revived and modernized under synergistic complexities and the transition to a multipolar world. The author considers it promising to develop sovereign sociological knowledge based on the basic principles of Russian culture, Eurasian civilizational specificity and achievements of the world sociological thought.

Key words: sovereign development; originality of national sociology; Slavophilism; Westernism; Eurasianism; national culture; civilization; “Eurasian” Russia

For citation: Kravchenko S.A. The thorny path of the Russian sociology sovereignty: History, the present time and prospects. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 273–285. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-273-285>